

КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ XV ВЕКА: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ*

Настоящая работа — ни в коем случае не рецензия, хотя она не могла бы появиться на свет без новаторской книги М. А. Шибаева, где автор, отвлекаясь от содержания рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, анализирует их как археологический артефакт.¹ При всех замечаниях по отдельным положениям книги, неизбежных при столь широком охвате материала, она незаменима как первый опыт системного описания кирилловских рукописей. Она поможет нам упорядочить изложение, но все-таки ею не исчерпывается круг вопросов, предлагаемых здесь для обсуждения. Вместе с тем данная моя работа не является и обзором новейших публикаций, касающихся литературной и книжной деятельности, которая концентрировалась вокруг Белозерского монастыря в XV веке. По той хотя бы причине, что номенклатура академических трудов (не говоря уже о прочих) по выбранному периоду, вышедших за последние десять–двадцать лет, почти необъятна, и наш обзор перерос бы в простой библиографический перечень. Предлагаемые заметки правильнее всего определить как критический анализ самых трудных, на мой взгляд, и самых спорных аспектов, связанных с изучением книжной культуры Кириллова монастыря. Трудных и спорных на уровне фактов и на уровне их осмысления. Конечно, в процессе такого анализа мы постараемся решить и другие задачи — по достоинству оценить монографию Шибаева, а также назвать главнейшие из номеров историографии, обратившись к которым заинтересованный читатель без труда разыщет неупомянутые здесь книги и статьи. Одновременно мы постараемся понять, сколь перспективна дальнейшая разработка эмпирического материала, находящегося в центре изложения, — рукописей Кириллова XV века.

Специфика книжной культуры Древней Руси заключается в том, что она была по преимуществу монастырской культурой. С другой стороны, парадоксальным образом, мы не располагаем достоверными сведениями о существовании на территории Руси, в первые четыре столетия после ее крещения, сколько-нибудь значительных объединений иноков (Киево-Печерский монастырь проходит по отдельной статье). Есть основания думать, что таковых и не было, что монастырская культура была у нас на первых порах растворена в миру, а начальные робкие попытки институционализации общин черного духовенства связаны с монашеским возрождением XIV века, начавшимся

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 16-18-10137.

¹ Шибаев М. А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века: Историко-кодическое исследование. М.; СПб., 2013. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.

на Балканах, но докатившимся до нас не ранее эпохи Сергия Радонежского и его учеников. Зато потом, в течение нескольких десятилетий, монастыри с поразительной быстротой выросли по всей территории Северо-Восточной Руси. Особняком стоит Новгородский архиерейский дом, который не являлся, конечно, монастырем, но по культурной ориентации не выбивается из общей модели — равнению на монастырь. Одновременно с монастырями складывались и монастырские библиотеки: таково главное объяснение, почему объем циркулировавшей у восточных славян книжной продукции взрывообразно увеличивается с началом XV века. Однако на пути к изучению монастырской книжной культуры XV века возникает объективная трудность: распыление с течением времени библиотек большинства тогдашних монастырей, а часто и гибель их книжной казны. Достаточно репрезентативными для этого столетия признаются только два книжных собрания, уцелевших до нашего времени с относительно небольшими потерями — Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей. При этом имеются в виду не только соименные названия монастырей фонды в библиотеках, но и те кодексы из этих обителей, которые по разным причинам и в разное время переместились в другие архивы.

Коль скоро целостность средневековой библиотеки зависит от превратностей истории, возникает закономерный вопрос: может ли служить сегодняшняя ценность Троицкого и Кирилловского книжных собраний мерилom аналогичной их значимости для древности — т. е. для XV века, в первое столетие комплектования обеих коллекций? Таков первый и главный вопрос, который, применительно к Кирилло-Белозерскому монастырю, мы постараемся отчасти разъяснить. И еще два вопроса, сформулировав которые мы конкретизируем только что поставленный. Поскольку не только внешней формой, но и своим содержанием русское монашеское возрождение конца XIV–XV века обязано было южнославянскому влиянию (в широком смысле слова это влияние продолжалось с последних десятилетий XIV до середины XVI века), полезно задуматься, когда и как оно проявилось в книжной культуре Кириллова монастыря. Поскольку же все явления культуры XV века реализовались в силовом поле между двумя центрами притяжения — Москвой и Новгородом, мы вправе оценить кирилловские рукописи с точки зрения их дрейфа в ту или иную сторону. Среди прочих тенденций, в рецепции южнославянского импорта через Москву или через Новгород. Как было сказано, путеводной нитью нам послужит монография М. А. Шибаева. В свою очередь, Шибаев в своих выводах во многом основывается на уникальном документе — первой в истории русской библиографии описи монастырской библиотеки, которая находится в сборнике Германа Подольного (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 101/1178) и может быть датирована 1480-ми годами. Опись включает три части — инвентарный перечень из более двухсот номеров и два варианта росписи по составу некоторых сборников — в виде «черняка» и беловика, причем второй, охватывающий лишь половину вошедших в «черняк» сборников, одновременно добавляет описание двух, не учтенных в первом (с. 31–46). Главными приметами рукописей, созданных в монастырских стенах, Шибаев считает две — используемый в них почерк и данные о бумаге (с. 15). К этому, я уверен, нужно добавить третий параметр — внутреннюю структуру кодексов, ибо, как выяснилось при их анотировании, добрая половина кирилловских рукописей представляет собой конволюты. Поскольку материал дает такую возможность, будем в дальнейшем соотносить его с конкретными историческими персонами, по возможности не давая при этом воли своей фантазии. Конечно, нам удастся сказать лишь о самых из них известных.

Разговор о новых открытиях, касающихся старейших кирилловских рукописей, естественно будет начать с трудов основателя монастыря Кирилла

Белозерского. Отталкиваясь от округленных цифр, которые приводит в своем Житии Кирилла Пахомий Логофет, датой основания его обители традиционно считали 1397 год. М. С. Серебрякова, а вслед за ней и Шибаев (с. 48–51; здесь же литература вопроса) убедительно доказали, что дату эту следует сдвинуть по меньшей мере на десять лет вперед. Одновременно передвигается и датировка так называемых книг Кирилла Белозерского, существование которых как обособленной группы правильнее вообще считать фикцией, изобретенной два века спустя рьяными поклонниками святого. Действительно, в названной только что описи 1480-х годов рукописи преподобного растворены в общей массе (помечены как «Кириловы» только два номера — с. 40, № 120 и с. 42, № 193), впервые отдельной группой «Чюдотворца Кирила книги», в количестве двенадцати, появляются в описи 1601 года, в более поздних описях число их неуклонно растет.² В личные книги Кирилла попросту зачислялись те, которые, по разумению его почитателей, считались самыми древними. Поскольку, во-первых, никаких автографов основателя не сохранилось, во-вторых, пометы о принадлежности книг святому все поздние, в-третьих, за годы настоятельства Кирилла в монастыре было переписано около трех десятков книг, что в два с лишним раза превышает перечень описи 1601 года (с. 52), — по таковым причинам реконструкция его келейной библиотеки представляется малопродуктивным занятием.

Напротив, эти самые три десятка книг дают небезынтересный материал для размышлений о факторе южнославянского влияния на новоучрежденный монастырь и о его связях с главными культурными центрами тогдашней Руси. Достойно внимания, что по меньшей мере три рукописи из числа включаемых в список книг Кирилла (№ 1, 4, 7 по списку Прохорова и Розова), в том числе самая ранняя датированная монастырская книга — Канонник 1407 года, как видно, были изготовлены за пределами обители, которой тогда еще не существовало. Скорее всего, сам основатель или кто другой из его окружения (например, Ферапонт) принесли их из Москвы, из Симонова монастыря. Ниточка, связывающая детище Кирилла с Москвой — напрямую или при посредничестве Троицкого монастыря, тянется вслед за первым настоятелем и дальше. По палеографическим признакам старшие кирилловские рукописи родственны московским и троицким.³ Если следовать разысканиям Шибаева, собственные книгописные работы в монастыре развернулись не ранее второй половины 1410-х годов. Его выводы подтверждаются орфографией большинства рукописей, разительно отличающейся от восточнославянской орфографии до начала балканского на нее влияния. Хронологический сдвиг в сторону омоложения очень важен, потому что находящиеся в прижизненных сборниках Кирилла новые южнославянские переводы или их фрагменты (Скитский устав, «Галиново на Ипократа» и другие статьи «естественно-научного» цикла, и проч.)⁴ долгое время считались древнейшими их русскими списками. В связи с их передатировкой такой вывод нуждается в проверке. Кроме того, теперь наиболее вероятным представляется, что оригиналами для указанных статей послужили московские рукописи или находившиеся в Москве южнославянские первоисточники текстов. Есть и косвенные тому подтверждения. В сборнике РНБ,

² Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 353–378 (то же: Преподобный Кирилл Белозерский / Сост. Г. М. Прохоров. СПб., 2011. С. 241–279).

³ Турилов А. А. О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца» // Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 622–624.

⁴ См. особенно в рукописи: РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № XII, — причисляемой к «книгам чюдотворца» и изданной сейчас целиком: Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв.: Сборник преподобного Кирилла Белозерского / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003.

Кирилло-Белозерское собр., № XIII, тоже из числа «книг чудотворца», находим статью об уставе на Петров пост с прямой отсылкой к южнославянскому оригиналу: «Сия написа с сущего сербьскаго, глаголя из самыа Горы Святыя» (л. 345–348). По-видимому, на этом же этапе в Кирилло-Белозерском монастыре оказалась болгарская рукопись «Пандектов» Никона Черногорца, из записей в которой следует, что прежде, на рубеже XIV–XV веков, она находилась в Москве (РГБ, ф. 98, собр. Егорова, № 18). Рукопись заполняет вакантное место в инвентарной описи книг Кириллова монастыря 1480-х годов (с. 37, № 57–58). Напротив, вакантным придется оставить место против № 121 инвентарной описи, куда Шибаев (с. 40) неправомерно зачисляет болгарско-русскую рукопись РНБ, собр. Погодина, № 1054 (видимо, на основании поздней записи о принадлежности монастырю).

С годами настоятельства чудотворца связан еще один дискуссионный вопрос — распространенное в историографии утверждение, будто новоучрежденный монастырь был создан в форме скита, а потом Кирилл Белозерский ввел там общежительный устав со всеми предусмотренными им строгостями.⁵ Житие Кирилла не раз упоминает о том, как чудотворец радел о соблюдении правил общежития, так что, на первый взгляд, утверждение кажется правомочным. Но несчастье в том, что в письменном виде этот устав не существует и никогда не существовал. Напротив, в упомянутом уже сборнике из Кирилло-Белозерского собр., № XII находится одна из редакций Скитского устава (л. 255–270 об.), положениями которого, надо думать, и руководствовались насельники Белозерской обители. Слово сочетание «общее житие», скорее всего, употреблялось в расширительном смысле, как введение некоего порядка для всех соединившихся в обители иноков. Мне уже приходилось писать, что общежительный устав в его дисциплинарной части вообще входил в обиход русских монастырей медленно и с большими трудностями. И что первый в России устав («Духовная грамота») был составлен Иосифом Волоцким, а 10-я глава его устава содержит ценные сведения о существовавшей на Руси более ранней практике уставного творчества. В преамбуле к этой главе Волоцкий игумен оправдывается, что он, по примеру древних подвижников, дерзнул положить на бумагу соответствующие правила, хотя в его время принято было «точию словом наказовати». Есть все основания думать, что «предание» отца-основателя монастыря в Белозерье было устным и подразумевало лишь отдельные положения кинувийного распорядка. Но и они нерадиво соблюдались преемниками Кирилла, порождая внутримонастырские смуты, о которых с красочными подробностями повествует все тот же Иосиф Волоцкий.⁶ Полагаю, что строгое, в духе современной административной практики, разделение монастырей на скиты и кинувии модернизирует ситуацию в Древней Руси, по меньшей мере, в хронологических пределах до XVI века. В предыдущие столетия регламентация церковной жизни была и в целом весьма расплывчатой, надо думать, что иноческий быт не составлял исключения.

Между тем недоказанное и недоказуемое утверждение о существовавшей будто бы в Кириллове развитой кинувии породило в научной литературе целую цепочку рискованных гипотез. Одним из толчков к их генерации послужила поздняя (XVII век) «Повесть о Нило-Сорском ските».⁷ Сообщения

⁵ Семячко С. А. Устав преподобного Кирилла Белозерского и его отражение в письменных памятниках // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 450–459.

⁶ Комментарии к рассказу Иосифа Волоцкого, правда отражающие стереотипы дореволюционной историографии, см.: Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). СПб., 2006. Т. 2. С. 144–149.

⁷ Издана: Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / Изд. Г. М. Прохоров. СПб., 2005. С. 384–398.

Повести некритически экстраполируются на ситуацию двухвековой давности. Если, согласно Повести, в ските не занимались наставлением «новоначальных» иноков, значит, рассуждают специалисты, для их подготовки к подвигу уже во времена Кирилла должна была действовать киновия; если, по тексту Повести, в Нилов скит не принимали неграмотных, значит, они прежде обучались в киновии.⁸ Последний тезис находится в противоречии с текстом Скитского устава, где уделено заслуженное внимание «не умеющим» читать и петь.⁹ Так что одно из двух: или Скитский устав не является «скитским», или сообщение Повести неприменимо к эпохе белозерского чудотворца. Сказанное имеет прямое отношение к книжности Кирилло-Белозерского монастыря, потому что для киновии предусмотрен определенный набор церковных книг. Презумпция существования в Кириллове монастыре общежития, начинающего свою историю с первой четверти XV века, послужила поводом для локализации там: сначала — весьма распространенного в списках «Предания старческого новонаначальному иноку» (тем более, есть список, где статья в заглавии атрибутируется белозерскому чудотворцу), затем — возглавляемого этой статьей учительного сборника относительно устойчивого состава (часто называемого «Старчество»), наконец, произвольно закрепленной за сборником «Старчество» функции — служить пособием для опытного старца, руководящего новоприбылыми членами киновии.¹⁰ Как видим, вся эта пирамида гипотез возведена на шатком фундаменте.

Если верить Пахомиеву Житию Кирилла, после кончины учредителя, случившейся в конце 1420-х годов, для его обители настали трудные времена. В короткие сроки в лучший мир перешло из братии больше тридцати человек; предполагают, что они стали жертвами морового поветрия. Тем не менее традиции монастырского книгописания были уже прочны и не прервались со смертью Кирилла. Назову в этой связи прославленного ученика преподобного — святого Мартиниана Белозерского. Правда, вскоре после кончины учителя он покинул его обитель, однако же с именем Мартиниана как книгописца связывается целая серия старейших, в том числе пергаменных, рукописей монастыря. Достоин внимания, что именно Мартиниан в своей писцовой записи первым в Белозерском монастыре зашифровал свое имя цифровой тайнописью (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 19/1096, л. 155 об.). В записях позднейших кирилловских книжников это станет традицией, правда, чаще они будут использовать простую литорею (с. 281).¹¹ Нужно понимать, что перед нами не игра и не жеманство, а одно из косвенных свидетельств сакральной природы книги. Тайнопись (чаще всего скрывающая имя — самый уязвимый аксессуар человека, но иногда и другие значимые элементы писцовой формулы) служила способом защититься от нечистой силы или сглаза посвященный Богу труд писца. Вообще, будущим исследователям следовало бы обратить внимание на формулы, используемые кирилловскими писцами в колофонах. Некоторые из формул передаются от одного писца к другому по наследству («грубыми и неудобными алфавиты» — с. 95, 109, 120, 122;

⁸ Семячко С. А. Был ли Нил Сорский составителем сборника «Старчество»? // ТОДРЛ. СПб., 2007. Т. 58. С. 505–512.

⁹ Белякова Е. В. Устав по рукописи РНБ Погод. 876 // Древняя Русь. М., 2003. № 1 (11). С. 73–78.

¹⁰ Семячко С. А. 1) Сборник «Старчество» в Кирилло-Белозерском монастыре // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 211–296; 2) Тексты старческой традиции в списках инока Ефросина // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2014. С. 124–154.

¹¹ Кажется, до сих пор не обратили внимание на две записи простой литореей в сборнике игумена Игнатия: РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 53/1130. Л. 387 («Слава Богу, сотворшему вся») и 388 («Изволением божественаго разума Х(рист)у глаголати»).

«грехослужимую десницею» — с. 148, 200, вариант: «рукою грехослужебною» — с. 270), а иные — индивидуальные — могут поспешествовать атрибуции конкретной рукописи (см. ниже об Олешке Павлове).

С точки зрения выбранных нами критериев (следы южнославянского влияния и принадлежность к новгородской или московской культурной орбите) из очередного поколения кирилловских книжников наибольший для нас интерес представляют труды старца иеромонаха Серапиона с незаконно присвоенным ему прозвищем Маза¹² и Олешки Павлова (Палкина). Сразу же оговорюсь, что распределение книжного наследия по нескольким поколениям старцев весьма условно, если учесть присущую кирилловским рукописям тенденцию распадаться на тетради, кочевавшие из одного кодекса в другой, притом в значительном хронологическом диапазоне. Следы деятельности обоих — Серапиона и Олешки — прослеживаются еще при жизни основателя монастыря. Не кто иной, как Серапион, принимал деятельное участие в копировании упоминавшегося уже сборника, столь неловко названного при издании «Энциклопедией русского игумена». Неловко, потому что, по мнению Шибаева, именно Серапион был не только одним из переписчиков рукописи, но и его составителем (с. 79). С другой стороны, случай с этим сборником показывает, сколь ненадежно вошедшее сейчас в моду опознание личности копииста по его почерку: четыре исследователя, обращавшиеся за последние годы к пресловутой «Энциклопедии», связывают с работой Серапиона разные фрагменты кодекса (с. 77).¹³ Серапион, следы руки которого нашли уже в десятке рукописных книг, при выборе текстов для копирования не проявлял особенного пристрастия к новым балканским переводам. Зато он сильно переигрывал современных ему писцов в стремлении имитировать тырновскую орфографию (исправно употребляется «юс большой», редуцированные ставятся после плавных, присутствует мена «юсов», и др.), так что его письмо по справедливости называют «болгаризированным». Интересны перемещения Серапиона по книжным центрам Древней Руси, которые нашли отражение в кодексах с его участием: начинал он в Кирилловом монастыре, потом перебрался в Новгородский Лисицкий, где частично переписал Троицкий сборник, № 175, наконец, окончательно обосновался в Троице-Сергиевом, в фонде которого и до сих пор находится больше всего его книг.

Благодатную почву для гипотез и догадок предоставили труды Олешки Павлова или Палкина. Книгописная деятельность его тоже началась еще при Кирилле. По особенностям почерка Шибаев (с. 55) признает Олешку переписчиком небольшого фрагмента из очень раннего гомилетического сборника (1410-е годы), фигурирующего в древней описи книг монастыря под названием «Маргарит» (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 116/241, ср. с. 37, № 68). Кроме того, книжник, доживший по крайней мере до 1440-х годов, полностью или частично переписал еще пять рукописей. Его участие в работе определяется или по записи с указанием только первого имени (с обязательной формулой «ко краю достиже хартию и чернилом», отсылающей к 2 Иоан.

¹² Словами «иеромонах Серапион маза» заканчивается его запись на л. 470 рукописи РГБ, Троице-Сергиево собр., № 175. Далее следует недавно расшифрованная тайнопись, к которой и применено, конечно, последнее слово (от глагола «мазати»).

¹³ Ср. не совпадающую у трех других палеографов атрибуцию почерка: Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV — первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избр. работы. М.; СПб., 2001. С. 372, прим. 56; Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. С. 14–15; Левшина Ж. Л. «Болгаризированное» письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и Второе южнославянское влияние // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2013. Вып. 16. С. 39–47.

1: 12), или по почерку (с. 141–158). Но, помимо этих пяти, существует еще один кодекс — РНБ, собр. Погодина, № 989, который представляет собой апограф, воспроизводящий рукопись Олешки и содержащий литургическое собрание из шестнадцати слов Григория Богослова. На Погодинскую рукопись ученые давно обратили внимание из-за помещенной в ней пространной приписки, которая тоже скопирована с антиграфа Олешки и рассказывает о сложной предыстории памятника. Оказывается, протограф сборника шестнадцати слов некто Кассиан Румянцев принес от «Сербские земли» в тесно связанный с Кирилловым Спасо-Каменный монастырь. Согласно рассказу Олешки, адаптацией южнославянского оригинала, который забрал для этого к себе Кирилловский настоятель Трифон, занимались два «премудрых» инок, переселившихся в обитель на Сиверском озере из Троице-Сергиева монастыря. Перед нами яркий пример отражения в кирилловской книжности балканского влияния и одновременно связи этой книжности с обителью Сергия Радонежского. Более того, текстологические разыскания убеждают, что утраченный протограф Кассиана Румянцева лежит в основе всей последующей истории сборника Григория Богослова на русской почве.¹⁴

Погодинская рукопись обросла уже специальной литературой, авторы которой, правда, не всегда считаются со стереотипами, свойственными припискам, вроде находящейся в рассматриваемом памятнике (таково утрированное представление о различиях южнославянской и восточнославянской орфографии). Ко всему прочему, в приписке из Погодинской рукописи Олешка называет себя Палкиным, так что у кого-то возникали даже сомнения в тождественности двух носителей имени Олешка (сомнения неосновательные, потому что в приписке употреблена указанная выше формула со словосочетанием из Второго послания Иоанна Богослова). Последний толчок к рождению легенды об Олешке Павлове дал еще один источник, в котором фигурирует его имя. Источник этот — Житие Мартиниана Белозерского, персонажа в истории обители выдающегося: он и ближайший ученик Кирилла, и главный информатор Пахомия Логофета при написании этим последним жития преподобного. Так вот, в Житии Мартиниана повествуется, что, по просьбе Кирилла Белозерского, его юного ученика учил грамоте «человек некий <...>, имя ему Олеше Палков, Алексей Павлов, дияк мирьский. Дело его беаше книги писати и учити ученики грамотных хитрости, и зело искусен сый таковому художество деланию».¹⁵ Ясно, что речь идет об авторе приписки к Погодинской рукописи, а следовательно (по указанной выше примете), и о писце Олешке. Сомнения возникают по другому поводу: Житие Мартиниана было составлено только в середине XVI века, и его рассказ об обучении героя, скорее всего, экстраполирует поздние реалии на события полуторавековой давности. Тем более что почерк Олешки никак нельзя назвать каллиграфическим (с. 142). Однако американский славист Р. Романчук, ухватившись за приведенную цитату, изобрел хитроумную, но совершенно фантастическую теорию, согласно которой в годы настоятельства Трифона и под наблюдением Олешки при монастыре была учреждена школа, где преподавали науки тривиума. Пособиями для учащихся, согласно этой теории, служили переводы, которые находятся в рукописях, копированных Олешкой.¹⁶ Едва

¹⁴ Буланин Д. М. Мифологические толкования к словам Григория Богослова и «Шестоднев» Иоанна Экзарха // ТОДРЛ. Т. 66 (в печати).

¹⁵ Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец / Подг. Е. Э. Шевченко. СПб., 2014. С. 216.

¹⁶ *Romanchuk R. Byzantine Hermeneutics and Pedagogy in the Russian North: Monks and Masters at the Kirillo-Belozerskii Monastery, 1397–1501.* Toronto; Buffalo; London, 2007. P. 128–174.

ли есть необходимость доказывать несоответствие этой схемы культурным реалиям Руси в XV веке.

Одним из центральных событий в истории монастыря XV века является посещение его Пахомием Сербом, святогорцем, прославленным виртуозом в сочинении текстов по всему спектру жанров церковно-служебной литературы. Составленное им Житие Кирилла Белозерского обычно признается лучшим из агиографических писаний бывшего афонского старца. Как сообщается в Житии, автора командировали в Белозерскую обитель для сбора сведений о святом великий князь Василий Темный и митрополит Феодосий, а поставщиком сведений о Кирилле, помимо Мартиниана, был игумен Кассиан. Комбинация упоминаемых действующих лиц позволяет датировать поездку 1461 — началом 1462 года, причем труд по составлению Жития едва ли далеко отстоит от этих дат. Перед нами выразительный пример московских связей Кириллова монастыря, равно и южнославянского влияния, идущего через Москву и через стоящий на страже московских интересов Троицкий монастырь. Последнее, кажется, подкрепляется разысканиями Шибаева, который выявил в составе кирилловской рукописи РНБ, Софийское собр., № 1248 автономную часть (но уже зафиксированную там описью 1480-х годов), содержащую одну из редакций Жития Сергия Радонежского в автографе Пахомия Серба (с. 148; здесь же ссылка на издание текста). Водяной знак в тетрадах, содержащих Житие Сергия, датируется началом 1440-х годов, что служит свидетельством непрерывного взаимодействия двух монастырей, но не обязательно предполагает дополнительный визит автора в обитель Кирилла Белозерского. По мнению Шибаева (с. 226–232), с которым, правда, не согласен С. Н. Кистерев, почерк Пахомия Логофета опознается также в одном из сборников Ефросина Белозерского — в переписанном ими совместными усилиями маленьком цикле афонских легенд (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 273 об. — 283 — часть рукописи, датирующаяся началом 1460-х годов).¹⁷ Тогда же, скорее всего, в монастырскую библиотеку попал южнославянский кодекс, названный в древнейшем инвентаре «Соборник сербской» (с. 39, № 90) и надежно идентифицируемый как рукопись РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 32/1109.

Чтобы не нарушить относительную хронологию в череде кирилловских книжников, нам предстоит сказать несколько слов о знаменитом Ефросине Белозерском. Задача эта, прямо скажем, не из легких, потому что с 1961 года, когда Я. С. Лурье впервые дал характеристику Ефросину как из ряда вон выходящему литератору и книгописцу, «ефросиновский бум» стал набирать обороты и конца ему пока не просматривается.¹⁸ Нужно признать, что основные составляющие мифа о Ефросине уже заложены были Лурье: в частности, преимущественно на сборниках белозерского книжника основана насильющая факты теория исследователя об особенном спросе на беллетристику в России XV века («неполезные повести»), далее, его же мнение о религиозном вольномыслии и едва ли не еретических взглядах составителя сборников, наконец, тезис Лурье о политическом фрондерстве Ефросина, причастности его к созданному якобы в Кирилловом монастыре неофициальному своду. Из этой вереницы домислов порой делается глобальный вывод — о склонности всех вообще кирилловских старцев «к идейному экспериментирова-

¹⁷ Буланин Д. М. Ефросиновская версия Чуда о спасенном отроке в Дохиарском монастыре // Русская литература. 2016. № 3. С. 120–135. Тут указаны все «за» и «против» гипотезы об участии в работе Пахомия.

¹⁸ Квинтэссенцию своих многолетних размышлений о деятельности Ефросина ученый предложил в кн.: Лурье Я. С. Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. Л., 1988. Здесь же см. ссылки на более ранние работы автора.

нию».¹⁹ Сейчас Ефросин стал едва ли не самым известным литературным деятелем Древней Руси, и наречение его «русским Леонардо да Винчи» (название посвященного его сборникам интернет-ресурса в РНБ) не выглядит уже экстравагантным. Нет такой догадки, касающейся нашего Леонардо, которая бы не получила мгновенно силу закона: будь это прозвище «Требес», которое, не усомнившись, присвоили миниатюристу Ефрему, иллюстрировавшему для Ефросина «Александрию»,²⁰ или идея о связи цитируемого (по видимому, Ефросином) афоризма Александра Македонского с дружинным фольклором.²¹ В надежде хотя бы отчасти вернуть рассуждения о Ефросине на утраченную ими историческую почву попытаемся выделить не экстраординарные черты его книжного наследия, а напротив — те, что роднят это наследие с трудами других древнерусских начетчиков.

Прежде всего, обратим внимание, что в книжных трудах Ефросина не так уже мало кодексов традиционного состава, где, даже при большом желании, не найти ни малейших признаков выходящего из общего ряда, а потому небезопасного, по меркам XV века, «экспериментирования». Два из них включены в подробное описание Ефросиновских сборников — это «Торжественник» ГИМ, собр. Уварова, № 894 и РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 53/1130, который легко соотносится с одним из «пяти сборников», упомянутых в описи 1480-х годов как бывшая собственность игумена Игнатия (с. 39, № 99–103).²² Последний случай, между прочим, служит лишним подтверждением, что в описи манускрипты назывались не по имени переписчика (значительную часть сборника Игнатия копировал Ефросин), а по имени владельца. Отсюда следует, что фигурирующие в описи «Ефросиновы три сборники» (с. 39, № 104–106), об утрате которых скорбят энтузиасты «ефросиноведения», не обязательно содержали его автографы.²³ Более того, не исключено, что по частям они благополучно выжили (хотя остаются неопознанными), будучи разделены на тетрадки, влившиеся в состав других кодексов (об этой практике, принятой в Кирилловом монастыре, мы скажем еще пару слов). Зато у нас сохранилось главное — подробнейшая роспись содержания трех сборников, помеченных именем Ефросина, в «черняке» и в беловике все того же библиографического раздела из сборника Германа Подольного. Кажется удивительным, что многочисленные исследователи творчества Ефросина так редко обращаются к этому ценному источнику и никто не пытался создать реконструкцию состава исчезнувших рукописей. Они интересны тем, что все три совершенно традиционны по своему составу, ничем не выдавая «предосудительных» интересов их переписчика или владельца. Итак, мы получаем следующую пропорцию: на пять сборников Ефросина, никак не отступающих от стандартов монастырской письменности XV века, приходится всего четыре его сборника (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, 9/1086, 6/1083,

¹⁹ Плеханова М. Б. «Кипение света»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб., 2016. С. 124.

²⁰ Соловьева И. Д. Книжник и иконописец Ефрем — современник Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 268–279. Отождествление миниатюриста и никому не известного иконника Ефрема Требеса основано лишь на случайном совпадении имен.

²¹ Бобров А. Г. Китоврас Ефросина Белозерского // ТОДРЛ. СПб., 2017. Т. 65. С. 433. На самом деле афоризм взят из «Пчелы» (Семенов В. А. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893. С. 71–72 (Сборник ОРЯС. Т. 54. № 4)).

²² Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 3–300.

²³ За указанием на три Ефросиновских сборника опись сообщает: «Да Потребник» (с. 39, № 107). Есть мнение, что в этой записи подразумевается еще одна Ефросиновская рукопись, причем думаем, что таким образом обозначена книга РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 6/1083. Для наших рассуждений это спорное отождествление не имеет значения, потому что росписи содержания Потребника в «черняке» и беловике XV века в любом случае не дано.

11/1088), в которых обычные для четых кодексов того времени отеческие, учительные, канонические и другие статьи иногда перебиваются уникальными или редкими текстами. Разумеется, эти последние тоже не являются еретическими. Оставаясь назидательными в широком смысле слова, они лишь менее однозначно привязаны к духовному подвигу, который составлял главное содержание жизни инока. И все-таки именно эти тексты из четырех манускриптов сделали Ефросина знаменитым, а Кириллову монастырю создали репутацию рассадника духовной крамолы. Приметные отличия пяти стандартных сборников, с одной стороны, и четырех маркированных, с другой стороны, наводят на мысль, что не вполне стандартные тексты, будучи предназначены для индивидуального чтения, сознательно изолировались в специально для того составленные немногочисленные кодексы (в этом отнюдь не конспирологический смысл известной записи Ефросина на л. 235 кодекса № 11/1088: «Сего во зборе не чти, ни многим являй»). Кто же принимал участие в подобной сортировке? — Отвечая на этот вопрос, мы делаем следующий шаг на пути демифологизации личности Ефросина.

Еще в первой своей статье о книжнике Лурье высказал резонное предположение, что сборники Ефросина созданы усилиями целой группы книгописцев, и даже употребил по отношению к ним, правда в кавычках, термин «скрипторий». Новейшим знатокам трудов книгописца этот термин пришелся не по вкусу, потому что в Кирилловом монастыре не было конвейерного производства книг, их переписывали от случая к случаю (с. 311). В сущности, спор идет о словах. Отрицать местную специфику не приходится, ибо монастырское книгописание неизбежно принаравливалось к потребностям конкретной обители. Оно не обязательно предполагает наличие специального помещения, разделение труда, налаженный сбыт и проч., — то, что ассоциируется с западным скрипториумом. Процедуру работы монастырских писцов на Руси мы едва ли сможем уверенно реконструировать, но примечательно, что иногда они (в том числе в сборниках Ефросина — см. такие примеры на л. 200 об., 274 об., 475, 499 в № 22/1099, отмеченные на с. 231) сменяют друг друга в пределах одной страницы. Это была коллективная форма монашеского послушания, и наш Леонардо участвовал в нем на равных с прочими. Если копирование богоугодных книг (другие на Руси в XV веке отсутствовали по определению) было частью келейного правила, можно себе представить такую картину: пока один инок творит молитву, другой работает пером. Потом они сменяют друг друга. Тем не менее коллективное начало проявилось в процессе возникновения сборников Ефросина преимущественно иным образом (как увидим сейчас, обычным для Кириллова) — через объединение тетрадей или целых комплексов тетрадей гетерогенного происхождения. Донорами при этом оказывались рукописи любой эпохи (в том числе расчлененные на более раннем этапе), так что Шибаев фиксирует наличие в составе сборников Ефросина тетрадей, написанных еще при жизни Кирилла Белозерского (с. 233, 248). Подбор разновременных тетрадей для каждой из четырех маркированных рукописей Ефросина не обязательно совершился в один присест: поскольку знатоки его наследия признают сейчас, что эти четыре рукописи долгое время существовали без переплета,²⁴ присовокупление к книжному блоку новых аллигаторов не представляло труда. Иногда, по принципу матрешки, созданные прежде конволюты вставлялись в новое окружение («мультиконволюты» по терминологии Шибаева). Замечу, что разделы в сборниках Ефросина, которые с большим или меньшим основанием атрибутируют его сотоварищам, не столь уже мизерны.

²⁴ Новикова О. Л. Кодикологическое изучение сборника Ефросина Кир.-Бел. 22/1099 // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2016. Вып. 16. С. 36.

Таковы, например, обширные секции в сборнике № 22/1099, о переписчике которых идет жаркий спор. Спорят С. Н. Кистерев, который считает писцом соответствующих листов Игнатия, Кирилловского игумена (1471–1475 годы), и Шибаев, который полагает, что перед нами ранний вариант почерка все того же инока Ефросина (с. 249–258). При этом Кистерев замечает, принимая в расчет содержание сборников Игнатия, учтенных в библиографическом разделе рукописи Германа Подольного (в том числе упоминавшегося № 53/1130, над которым трудился и Ефросин), что в 1450-е годы «старец Игнатий мог быть не менее продуктивным переписчиком или даже составителем текстов, чем начинающий свою карьеру Ефросин».²⁵

Убедившись, что, во-первых, Ефросин не был ориентирован исключительно на идейную крамолу, а благополучно переписывал и владел сборниками традиционного состава, что, во-вторых, четыре его маркированных сборника суть плоды коллективного творчества, мы до некоторой степени лишаем его книжные труды и их автора чудесного элемента. Этот элемент неизбежно сообщался Ефросину как следствие модернизации, когда средневековому начетчику, пусть даже «русскому современнику Возрождения», силились приписать совершенно не свойственный русским монахам XV века индивидуализм, — тот самый, который отличал деятелей европейского Ренессанса. Сказанное ничуть не умаляет вклада Ефросина в судьбы древнерусской письменности: давно подмечено, что он, в частности, не любил выступать в роли бесстрастного переписчика, создавал собственные редакции памятников, попадавших к нему в руки. Труды книгописца могут быть отмечены и по тем двум меркам, которые мы выбрали для оценки релевантности книжного наследия Кирилло-Белозерского монастыря для характеристики эпохи. Именно: в рукописи Ефросина сохранился древнейший список «Сербской Александрии», хотя список и не является родоначальником русской традиции произведения. Переписанную книжником «Повесть о Дракуле», хотя она не является переводом, можно считать продуктом того же влияния, идущего с юго-запада. Южнославянское происхождение других переводных статей, впервые появившихся на Руси в сборниках Ефросина, не столь очевидно. Кроме того: хотя и не может быть строго доказано, но весьма правдоподобно многократно высказывавшееся предположение, что кирилловский книжник побывал в Троицком монастыре или в Москве, причем воспользовался этим случаем, чтобы снять там копии с каких-то текстов.

Хотя трудами Ефросина отнюдь не завершается история монастырской библиотеки в XV веке, в наших рассуждениях удобно будет остановиться именно здесь. Дальше многое меняется. Напомню, что 1480-ми годами датируется служившая нам путеводителем по библиотеке книжная опись в сборнике Германа Подольного. С этого же примерно времени начинаются процессы, постепенно модифицировавшие культурные функции русских монастырей (Кириллова среди прочих), их топографию в границах Московского царства и относительную значимость каждого из них. Конечно, я даю себе отчет в том, что, при анонимности древнерусской письменности как общем правиле, рукописные памятники Белозерской обители, привязанные к имени конкретного книжника или писца, составляют ничтожную часть в общем корпусе монастырских рукописей. Главное же — основой этого корпуса являются переводы, к исследованию которых, можно сказать, почти не приступали. Текстологическое изучение классики византийской церковной литературы в славянских переводах является актуальной задачей применительно к книжному наследию Кириллова монастыря, как и в отношении всей древнерусской

²⁵ Кистерев С. Н. Лабиринты Ефросина Белозерского. М.; СПб., 2012. С. 217.

письменности.²⁶ Замечательно, что пробные шаги, сделанные до сих пор в этом направлении, подтверждают правильность выбранных нами маркеров для характеристики эпохи — ориентацию кирилловских книжников на южно-славянские образцы и книжные связи с Москвой и Троицким монастырем. Мы упоминали уже русскую традицию литургического сборника слов Григория Богослова, берущую начало от сербского протографа, занесенного в Белозерье (возможно, через Москву). Наблюдения других показывают, что еще один южнославянский перевод — Стишний Пролог — оформился в Кирилло-ве в особую редакцию, родственную редакции Троице-Сергиева монастыря.²⁷

При всей отрывочности рассмотренного материала, полагаю, что мы вправе сделать несколько небеспопеченных выводов. Книжная культура XV века Кирилло-Белозерского монастыря в рецепции южнославянского наследия, как и в других аспектах, не обнаруживает какой-либо зависимости от Новгорода. Напротив, монастырская библиотека предстает своего рода филиалом книжного собрания Троицкого монастыря, в свою очередь тесно связанного с московской письменностью. В этом нетрудно убедиться, пересмотрев Троицкие рукописи за первое столетие существования обители Сергия, с одной стороны, и Кирилловские рукописи, а отчасти и названия тамошних книг в описи 1480-х годов (поскольку могут быть расшифрованы ее лаконичные сообщения), с другой стороны. Мы убеждаемся, что оба монастырских собрания репрезентативны для первого столетия их существования, что они были в ту эпоху действительно самыми крупными и ценными по составу монастырскими книжными коллекциями — и это безотносительно к тому, что по случайному, вообще говоря, стечению обстоятельств они оказались самыми объемными также и в современных архивных фондах. Есть даже некоторые данные для исчисления книжных богатств двух монастырей в абсолютном измерении. На л. 80 в сборнике № 6/1083 Ефросин записал: «В Сергиеве монастыре книг 300, а молитвенников 20», по расчетам Шибаева в Кириллове могло быть в то же время примерно 250 книг (с. 18). Если троицкие кодексы давно уже находятся в поле зрения славистов, рукописи Кириллова (возможно, из-за отсутствия их научного описания) дождалась своих исследователей только в последнее время. Отвечая на вопрос, поставленный в начале этой статьи, констатируем: книжное собрание Белозерской обители, которое еще только начинает осваиваться, даже в пределах XV века обещает приобщить к истории древнерусской письменности много новых фактов.

Однако новейшие разработки, касающиеся книжного наследия Кирилло-Белозерского монастыря за XV век, особенно многократно использованная уже в этой статье монография Шибаева, дают пищу и для размышлений более общего характера. Размышлений по поводу специфики обращения с книгой кирилловских старцев, которая выявилась в ходе сплошного кодикологического разбора монастырских кодексов. Как уже говорилось, одним из дифференциальных признаков книг монастыря оказалось понятие конволюта. Нет сомнений, что в монастырском собрании значительна была доля книг, которые по содержанию своему не поддавались разбивке на мелкие части. Трудно сказать, какие из них переплетались немедленно после завершения работы по копированию, но приходится учитывать наблюдение Шибаева, что большая

²⁶ Как и в других случаях, статистика представляет собой псевдоморфоз текстологии. См.: Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря с XIV по XVII в. // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 44–58.

²⁷ Чистякова М. В. 1) О родстве московской и кирилло-белозерской редакций Стишного Пролога // Slavistica Vilnensis. 2012. № 57. С. 33–44; 2) Новые данные о родстве московской и кирилло-белозерской редакций Стишного Пролога (Сентябрь–ноябрь) // Ibid. 2014. № 59. С. 41–54.

часть рукописей Кириллова была одета в современные переплеты в 1520–1530-е годы (с. 15). Другая доля книг, содержание которых не представляло собой неделимого единства, скорее всего, довольно долго лежала в непереплетенном виде, и комплекующие таких книг — отдельные тетради или наборы тетрадей — пользовались относительной автономией. Их, по мере надобности, переносили из одного книжного блока в другой, так что выявлено немало кодексов, включающих в свой состав аллигаты, датировка которых разнится на полстолетия и даже больше. Чем же вызвана подобная волатильность, обнаружение которой — наверное, самое сенсационное открытие последних лет, касающееся Белозерского монастыря? Первое приходящее в голову объяснение — возможный дефицит квалифицированных писцов или дефицит бумаги, побуждавший разрушать уже переписанные кодексы вместо того, чтобы снять копию с соответствующей статьи, — такое объяснение не представляется мне убедительным. Никаких сведений о дефиците одного или другого не существует. Правда, по мнению Шибаева, на отсутствие в монастыре больших запасов писчего материала указывает нередкое использование в пределах одного кодекса бумаги с десятком разновидностей водяных знаков (с. 219, 311). Это объяснение нельзя признать единственно возможным, коль скоро мы не знаем механизма циркуляции бумаги на Руси XV века. Не исключено ведь, что различные ее партии смешивались еще до поступления в монастырь.

Мне кажется, нужно искать другие толкования феномену. Стоит обратить внимание, что все манипуляции с тетрадями производились в ту эпоху, на которую пришелся переход к новому писчему материалу — от пергамена к бумаге. Поскольку в средние века книга имела не только практическое, но и символическое значение, переход этот не мог не отразиться на связанных с книгой ритуалах и запретах. Бумага — менее прочный материал, нежели кожа, а потому центристремительные силы в бумажном кодексе, составленном из этого материала, могли обладать и меньшей символической значимостью. Стоит задуматься и над следующим объяснением. Культура средних веков была строго иерархична, причем стремление к упорядочению космоса на принципе единоначалия распространялось, прежде всего, на все причастные к церкви объекты, включая сюда книги. Средневековая библиотека никоим образом не была случайным набором фолиантов, а в содержании каждого из фолиантов всегда усматривается то или иное организующее начало. Для книжника важен был не только смысл отдельно взятого текста, но и взаимное отношение текстов внутри книги. Отсюда начавшиеся буквально на следующий день после изобретения славянской письменности манипуляции с сакральными памятниками. Чем-то похожие на пасьянс. Иногда цельные произведения членились на мельчайшие синтагмы, которые потом соединялись в причудливых комбинациях, образуя «элементарные компиляции» (таков, например, «Княжий изборник», одним из потомков которого стал Изборник 1076 года). Иногда манипуляции производились с более крупными единицами. Брели сочинения Иоанна Златоуста или псевдо-Златоуста — то целиком, то отдельные из них параграфы, то монтаж из таких параграфов, — а потом вся эта масса выстраивалась в цепочку глав, причем иные из глав довольно далеко отходили от греческого оригинала (таков «Златоструй» в нескольких редакциях). Иногда строительным материалом для подобных компиляций служил целый комплекс разбитых на фрагменты источников — такая природа учительного раздела «Мерила Праведного», быть может, и учительных статей Пролога. Позволительно думать, что книжники Кириллова монастыря, многократно переносившие тетради из одного непереплетенного блока в другой (возможно и расширяя существующие переплеты), подыскивали оптимальную форму организации для той или иной совокупности текстов (календарную,

тематическую, авторскую и др.). У нас есть уникальный факт, подтверждающий правильность такого предположения об одной из причин перетасовки тетрадей кирилловскими старцами. Это так называемые «ветшанные» минеи Белозерского монастыря. Дело в том, что конец XV — начало XVI века ознаменован был в истории главных русских монастырей тем, что они пытались обзавестись собственными четкими минеями разной степени полноты («Соборник» Нила Сорского,²⁸ Волоколамские минеи). Вероятно, эту тенденцию следует расценивать как позднее эхо все того же южнославянского влияния. В обители Кирилла Белозерского искомой цели достигли весьма оригинальным способом — на тетради были полностью раздернуты целые рукописи, куски которых впоследствии соединили приблизительно в календарной последовательности. От этого книжного «вторсырья» сохранилось семь томов, из них шесть с большим или меньшим успехом имитируют отдельные части годового комплекта (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 16/1255; 19/1258; 30/1107; 17/1256; 48/1125; 18/1257), а в седьмом собраны остатки, которые не поддавались хронологическому приурочению (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 87/212).²⁹ По кускам, включенным в минеи-конволюты, Шибаев полностью или частично реконструировал шесть исчезнувших как самостоятельные единицы книг-доноров (38–39, 95–96, 164–167, 190–192, 206–207). Исследователь относит пересборку данной серии книг — а это беспрецедентный феномен в истории книжного дела!³⁰ — к 1520-м годам. Судя по филиграммам книг-доноров (середины XV века), смею предполагать, что монтажная работа началась по меньшей мере на несколько десятилетий раньше.

Как было сказано, последняя четверть XV века — это уже начало совсем другой эпохи в истории Кириллова, как и других русских монастырей. В том числе в истории монастырской книжности. Именно поэтому мы, не колеблясь, опускаем в нашем рассказе о книжном наследии обители Кирилла Белозерского труды знаменитого Нила Сорского или его ближайшего ученика, плодовитого книгописца Гурия Тушина. Тем более что деятельность последнего в основном уже пришлась на следующее столетие. Условным рубежом можно считать 1478 год, когда, если верить источникам, Белозерский монастырь посетил Иосиф Волоцкий. Произошедшие изменения не так легко описать, в конечном счете они обусловлены были тем, что за сто лет своего бытия (если считать от учреждения детища Сергия Радонежского) монастыри прочно вписались в культурный ландшафт Древней Руси и сами от него многое позаимствовали. Главное — настала пора самого интенсивного участия черного духовенства в общественной жизни возвышающегося Московского царства. Что же касается возможных направлений в исследовании книжной культуры Кирилло-Белозерского монастыря новой эпохи, то в числе первоочередных задач назовем следующую. Как получилось, что Белозерский монастырь, который в области книжной культуры больше пятидесяти лет занимал, рядом с Троицким, лидирующую позицию, уже в первой половине XVI века быстро уступил пальму первенства другим обителям, а со временем и вообще проникся сугубо провинциальным духом?

²⁸ Полное издание см.: Соборник Нила Сорского. М., 2000–2004. Ч. 1–3.

²⁹ Шибаев М. А. «Ветшанные» минеи и реконструкция сборников XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 62. С. 480–496.

³⁰ В качестве ближайшей параллели могу сослаться на кодекс РГБ, Троице-Сергиево собр., № 758, отдельные части которого тоже перекочевали в другие рукописи. В отличие от аналогов из Кириллова, Троицкая рукопись, хотя изрядно оципанная, уцелела и сама.